

МИРЫ РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ

КНЯЗЬ СВЕТА. ПОРОЖДЕНИЯ СВЕТА И ТЬМЫ
ОСТРОВ МЕРТВЫХ. УМЕРЕТЬ В ИТАЛБАРЕ
ЭТОТ БЕССМЕРТНЫЙ. ДОЛИНА ПРОКЛЯТИЙ
ПОДМЕНИШ. ДИКАЯ МАГИЯ
ДЖЕК ИЗ ТЕНИ. НОЧЬ В ТОСКЛИВОМ ОКТЯБРЕ
ВЛАДЫКА ВИДЕНИЙ. СЕГОДНЯ МЫ ВЫБИРАЕМ ЛИЦА
ДОРОЖНЫЕ ЗНАКИ. ГЛАЗ КОТА
ДВЕРИ В ПЕСКЕ. МОСТ ИЗ ПЕПЛА

ХРОНИКИ АМБЕРА
ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ АМБЕРА. РУЖЬЯ АВАЛОНА
ЗНАК ЕДИНОРОГА. РУКА ОБЕРОНА
ДВОР ХАОСА. АМБЕР И АМБЕРИТЫ

ROGER ZELAZNY

DOORWAYS IN THE SAND

BRIDGE OF ASHES

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

МОСТ ИЗ ПЕПЛА

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ж52

Roger Zelazny

DOORWAYS IN THE SAND
Copyright © 2020 by Amber LTD

BRIDGE OF ASHES
Copyright © 2021 by Amber LTD

Дизайн и иллюстрация Алексея Гаретова

Желязны, Роджер.

Ж52 Двери в песке. Мост из пепла / Роджер Желязны; [перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-234942-3

Омнибус из двух романов, демонстрирующих совершенно разные фантастические путешествия в будущем.

Спустя много лет Земля принята в Галактическое содружество, в ходе церемонии происходит символический обмен культурно значимыми предметами. В какой-то момент различные силы начинают подозревать, что у вечного студента Фреда находится внеземной артефакт — Звездный камень. Он ничего о нем не знает и поэтому приступает к самостоятельным поискам реликвии.

В мире будущего, где космические путешествия и пси-способности стали обыденностью, рождается мальчик с даром телепатии — настолько мощным, что он превращается в проклятие. Даже переселение на Луну не становится решением. Он невольно подключается к слишком многим разумах — в том числе к тому, кто знает, как мы были созданы и зачем мы здесь.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод
на русский язык, 2026

© Издание на русском языке,
оформление. «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-234942-3

ДВЕРИ В ПЕСКЕ

*Айзеку Азимову
с большим уважением, низким поклоном
и искренней симпатией*

Глава 1

ПОДЛОЖИВ ПОД ГОЛОВУ ЛЕВУЮ руку, я лежал на покато́й черепичной крыше. И вдруг, случайно взглянув на рваные клочки облаков, разбросанные тут и там в голубой небесной луже, заметил у себя над головой и над зданием университета буквы: «ТЫ УЧУЯЛ МЕНЯ, ДЭД?»

Всего одна секунда, и надпись исчезла. А я пожал плечами. Затем, правда, решил прилечь к легкому ветерку, который мгновение назад промчался мимо.

— Извини, приятель, — пробормотал я, обращаясь к таинственному любителю письменных сообщений, — что-то я ничего не чувствую, никаких особенных запахов.

Потом зевнул и потянулся. Наверное, задремав, я ухватил конец какого-то причудливого сна; пожалуй, мне повезло, что я не могу вспомнить, о чем он был. Бросил взгляд на часы и обнаружил, что опаздываю на назначенную мне встречу. Впрочем, часы вполне могли показывать и неправильное время. По правде говоря, это было их обычное состояние.

Я сел на корточки, упираясь ногами в снегозадержатели на крыше, а правой рукой ухватился за фронто́н. С крыши пятиэтажного дома площадь внизу казалась мне изысканным пейзажем — бетон и зелень деревьев, замысловатое переплетение теней и солнечного света, люди, чьи движения напоминают актеров во время замедленной съемки в кино, фонтан, похожий на фаллос, конец которого получил изрядную дозу картечи. За

фонтаном стоял Джефферсон-холл, где на третьем этаже располагался кабинет моего нового куратора Дениса Вексрота. Я похлопал себя по карману брюк — карточка с расписанием на месте. Отлично.

Спускаться вниз, идти через площадь, а потом снова подниматься на третий этаж — пустая трата времени, я ведь все равно уже наверху. И хотя путешествовать по крышам до захода солнца не принято и считается нарушением установленных давным-давно традиций, да и в мои привычки тоже, как правило, не входит, добраться до нужного здания — учитывая, что все они соединены друг с другом, — будет легко, да и вряд ли меня кто-нибудь заметит.

Я прошел по фронтому и оказался у его дальнего края. Оттуда спрыгнул на плоскую крышу библиотеки. Никаких проблем — всего шесть футов. И отправился дальше по крышам жилых домов, до церкви, словно Квазимодо, осторожно ступая, прошел по карнизу, спустился по водосточной трубе; еще один карниз, потом большой дуб, и еще карниз — вот тут пришлось призвать на помощь ловкость и умение. Великолепно! Наверняка сэкономил шесть или даже семь минут.

Когда я заглянул в окно, часы на стене показывали, что у меня еще в запасе целых три минуты, и я остался очень доволен собой.

С широко раскрытыми глазами и открытым ртом Денис Вексрот поднял голову, перестав читать, медленно повернул ее, затем потемнел, продолжил движение вверх и, потянув за собой тело, поднялся на ноги, обошел свой стол и направился ко мне. И вот уже мой куратор стоит на ногах возле стола и смотрит на меня.

Я бросил взгляд назад, через плечо, стараясь понять, что же его так ужасно разозлило, но в этот момент он поднял раму и сказал:

— Мистер Кэссиди, что, черт подери, вы тут вытворяете?

Я снова повернулся к Денису Вексроту, который вцепился в раму так, словно я собирался ее у него отнять, а она представляла для него самую главную ценность в жизни.

— Ждал, когда подойдет время, на которое мы договорились с вами встретиться, потому что немного не рассчитал и пришел на три минуты раньше, — ответил я.

— Знаете что, спуститесь-ка вниз и поднимитесь сюда по лестнице, как полагается нормальным... — начал он. А потом вдруг выкрикнул: — Нет! Подождите! Так я могу стать соучастником какой-нибудь гадости. Давайте заходите!

Вексрот отступил в сторону, а я вошел в его кабинет. Он не захотел подать мне руку, несмотря на то что я тщательно вытер свою о собственные брюки. Мой куратор отвернулся от меня и медленно сел за свой стол.

— Существует правило, запрещающее лазать по крышам зданий, — сообщил он мне.

— Да, — согласился я, — но это правило — всего лишь формальность. Администрации было просто необходимо придумать что-то в этом духе. Никто не обращает на малей...

— Ведь именно вы, — сказал Вексрот, качая головой, — именно из-за вас и было придумано это правило. Я здесь совсем недавно, и все же успел самым тщательным образом изучить все, что вас касается.

— По правде говоря, — заявил я, — если я не очень лезу на рожон и веду себя скромно, никого особенно не беспокоит моя любовь к крышам...

— Акрофилия! — фыркнул Вексрот и хлопнул рукой по папке, которая лежала перед ним на столе. — Вы сумели найти и купить парочку беспринципных креатинов-врачей, чьи заключения помогли вам избежать

ареста, вам даже стали сочувствовать, и вы превратились в своего рода местную знаменитость. Я только что прочитал эти бумаги. Куча навоза — и больше ничего. Лично меня они ни в чем не убедили. Я считаю, что это даже не смешно.

— Мне нравится лазать, — пожав плечами, сказал я. — Мне нравится забираться туда, где высоко. Я никогда не утверждал, что в этом есть что-то смешное, а доктор Марко вовсе не беспринципный кретин.

Вексрот издал какой-то неопределенный звук и принялся листать бумаги в папке. Я же почувствовал, что он мне не нравится. Коротко подстриженные, песочного цвета волосы, аккуратная бородка и такие же усы, которые почти скрывали его злобный маленький ротик. Похоже, ему лет двадцать пять или около того. Грубит, держится высокомерно и важничает, даже сесть не предложил, хотя я, наверное, на парочку лет его старше, к тому же спешил, старался не опоздать на встречу.

Я уже видел его один раз — мельком, на какой-то вечеринке. Он тогда как следует надрался и вел себя куда дружелюбнее; вероятно, еще не видел папки с моими бумагами. Впрочем, это не должно было бы иметь принципиального значения. Он обязан вести себя со мной *de novo*¹, а вовсе не основываясь на всякого рода сплетнях.

Ладно, кураторы приходят и уходят — университетские, факультетские, специальные. Мне доводилось иметь дело с самыми лучшими и с самыми отвратительными. Сейчас я, пожалуй, и не смог бы с ходу сказать, кто из них мне нравился больше всего. Может быть, Мерими. Или Кроуфорд. Мерими помог мне, когда меня хотели упрятать за решетку. Очень приличный человек. Благодаря Кроуфорду я чуть было не окончил универси-

¹ С самого начала (*лат.*). — Здесь и далее примечания переводчика.

тет. Если бы ему удалось этого добиться, он бы получил специальный приз, как Куратор Года. Хороший он был парень. Только вот слишком уж развита у него творческая жилка. Интересно, где они сейчас?

Я пододвинул к столу Дениса Вексрота стул и устроился на нем поудобнее, зажег сигарету и воспользовался корзиной для бумаг вместо пепельницы. Казалось, он ничего не замечает, только сидит и задумчиво просматривает бумаги в моей папке.

Так прошло несколько минут, а потом он сообщил:

— Что ж, теперь я готов к разговору с вами.

Посмотрев на меня снизу вверх, мой новый куратор победно улыбнулся:

— Мистер Кэссиди, в этом семестре вы закончите обучение в нашем университете.

— В этот день, мистер Вексрот, в аду сильно похолодает, — не удержавшись от улыбки, ответил я.

— Я думаю, что подготовился к встрече с вами более тщательно, чем это делали мои предшественники, — заявил он. — Насколько я понимаю, вам известны все университетские правила?

— Я регулярно их изучаю.

— Кроме того, уверен, вы знаете, какие курсы предлагает наш университет в этом семестре?

— Вы и тут не ошиблись.

Вексрот достал из кармана пиджака кисет и трубку и стал медленно набивать ее табаком, делая это с необычайной тщательностью и явно наслаждаясь процессом. Я уже давно понял, что он курит трубку. Вексрот прикусил мундштук, поднес к табаку спичку, сделал несколько пробных затяжек, вынул трубку изо рта и посмотрел на меня сквозь дым.

— В таком случае вы должны понимать, что получите диплом в принудительном порядке, в соответствии с одним из основных законов факультета.

— Вы же еще не видели карточку с моим предварительным выбором предметов.

— А она не имеет никакого значения. Я перебрал все варианты сочетания курсов, которые вы могли бы взять, чтобы сохранить свой нынешний статус, и обработал данные вместе с программистами. А потом сверил их с теми курсами, которые вы успели прослушать, и в каждом случае я придумал надежный способ от вас избавиться. Вне зависимости от того, что вы выберете, вам не избежать завершения какого-нибудь основного курса.

— Похоже, вы всерьез относитесь к своей работе.

— Вот именно.

— Может, скажете, почему вы так стремитесь от меня избавиться?

— Конечно, скажу, — заверил Вексрот. — Дело в том, что вы трутень.

— Трутень?

— Самый настоящий. Вы ничего не делаете, только зря здесь болтаетесь.

— А что же в этом плохого?

— Вы тяжким грузом давите на весь преподавательский состав университета, попусту тратите их эмоции и интеллект.

— Чепуха, — заметил я. — Я написал несколько отличных статей.

— Совершенно верно. Вы уже давно должны были бы преподавать или заниматься самостоятельными исследованиями — получив не одну научную степень, — а не занимать место, которое предназначается какому-нибудь бедняге.

Я усилием воли заставил себя не думать о бедном отвергнутом претенденте на мое место — худой, с ввалившимися глазами, нос и кончики пальцев прижаты к стеклу, запотевшему от его дыхания, мучительно стра-

дающий от того, что из-за меня он лишился возможности получить хорошее образование, — и сказал:

— Опять чепуха. Почему вам так хочется от меня избавиться?

Вексрот некоторое время задумчиво смотрел на свою трубку, а потом ответил:

— Если коротко — вы мне не нравитесь.

— Почему? Вы ведь меня совсем не знаете.

— Я знаю о *вас* — этого более чем достаточно. — Он постучал пальцем по папке с моим досье. — Здесь все написано. К таким людям, как вы, я не испытываю ни малейшего уважения.

— Вы не могли бы немного конкретизировать?

— Хорошо, — согласился Вексрот, раскрыв досье на одной из многочисленных закладок. — Судя по этим записям, вы провели в нашем университете — сейчас уточню — около тринадцати лет.

— Похоже на правду.

— Причем все это время вы продолжали учиться на дневном отделении, — добавил он.

— Да, я всегда посвящал свое время учебе.

— Вы поступили в университет в весьма юном возрасте. Способностей вам было не занимать. Ваши оценки постоянно оставались довольно высокими.

— Благодарю вас.

— В мои намерения не входит делать вам комплименты. Это всего лишь констатация факта. Однако для получения диплома вам каждый раз не хватало самой малости. На самом деле, у вас накопилось столько самых разнообразных данных и материалов, что их хватило бы на несколько докторских диссертаций. Вам не раз предлагали объединить ваши работы...

— Объединенные работы не подпадают под действие правила о получении диплома.